ИСТОРИЯ

Р. С. Колокольчикова

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.)

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Соглашение № 14. B37.21.0487

В статье речь идет о влиянии на общественные настроения населения индустриальных городов европейского Севера России факторов общегосударственного масштаба (пропаганда советских ценностей и идеалов и антисоветская пропаганда), а также факторов локального характера, связанных со спецификой социальной реальности локального пространства индустриальных городов региона.

Ключевые слова: индустриальный город, урбанизация, общественные настроения, антисоветская пропаганда, повседневность, менталитет.

R. Kolokolchikova

Factors Forming Public Mood of Industrial Cities Residents of the European North of Russia (mid 1960s — mid 1980s)

The article deals with the impact of the state scale factors (propaganda of Soviet values and ideals and anti-Soviet propaganda) on the public mood of the residents of the industrial cities of the European North of Russia, as well as with the influence of local factors related with the specificity of the social reality of the industrial cities in the region.

Keywords: industrial city, urbanization, public mood, anti-Soviet propaganda, daily life, mentality.

Индустриальные города — одна из самых многочисленных среди типологических групп городских поселений на европейском Севере России. Начав формироваться в ходе индустриализации в годы первых пятилеток, эта группа поселений получила мощный градостроительный импульс в середине 1960-х — середине 1980-х гг. в связи с реализацией в регионе больших программ промышленного строительства общесоюзного значения. В эти годы крупные народнохозяйственные объекты возводились на территории «старых» индустриальных городов (например, в Череповце, Соколе, Сегеже, Мончегорске), позволяя завершить там формирование градообразующей основы, давая, в связи с реконструкцией и расширением градообразующих производств, пережить некоторым индустриальным городам «второе рождение». Другие народно-хозяйственные объекты возводились на «чистом месте», вблизи рабочих

поселков, позволяя этим поселениям получить статус города (например, Апатиты, Новодвинск, Костомукша, Коряжма). Индустриальные города региона, меняя картину городского расселения на территории Европейского Севера России, постоянно увеличивали долю своих градообразующих предприятий в общем объеме промышленного производства областей региона, имели благоприятные демографические показатели, которые во многом определялись преобладанием молодежи в составе населения, в основном, приезжей, мигрировавшей на северные новостройки, чтобы покрыть дефицит трудовых ресурсов. Средний возраст населения индустриальных городов составлял 26–30 лет.

Целью данной статьи является анализ основных факторов формирования общественных настроений в индустриальных городах — сюжет, который прежде специально не изучался.

Общественные настроения населения индустриальных городов региона определялись комплексом факторов общегосударственного, а также локального характера. К первым относилась, с одной стороны, советская пропаганда, осуществлявшаяся государственными средствами массовой информации различных уровней, советскими институтами социализации, которые через особо организованное вербальное пространство (например, соответствующего содержания книги, доклады, песни, радио- и телепередачи, театральные постановки, кинофильмы и т. п.) прививали советским людям социалистические ценности и идеалы, формировали мировоззрение советского человека, а также соответствующие общественные настроения. С другой стороны, фактором формирования общественных настроений являлась антисоветская пропаганда, осуществлявшаяся по различным каналам, прежде всего, посредством радиовещания, которое антикоммунистические центры рассматривали как один из активных способов оказания систематического воздействия на широкую аудиторию слушателей СССР, для чего в странах Запада была сформирована широкая сеть правительственных и неправительственных радиовещательных станций, круглосуточно осуществлявших передачи соответствующего содержания на всех языках народов СССР. Если в 1947 г. радиостанция «Голос Америки», например, вещала на СССР по одному часу в неделю, в 1956 г. — 144 часа, то в 1968 г. — около 1400 часов в неделю на семи языках народов СССР [14, л. 591]. В 1982 г. против СССР пропаганду вели 32 радиостанции в общей сложности по 200,5 часов в сутки, а в 1983 г. — 35 радиостанций с общим количеством вещания 218, 22 часа в сутки [10, л. 58; 12, л. 93–94]. Осознание влияния антисоветских радиостанций на общественные настроения в СССР заставляло советское правительство тратить значительные ресурсы на глушение иностранных «радиоголосов», 22% из которых в первой половине 1980-х гг. удавалось подвергать глушению. Однако интерес советских граждан к иностранным радиостанциям стремительно увеличивался [10, л. 29, 30, 58; 11, л. 29, 60, 94]. Названные факторы, а также социальная реальность в СССР и за его пределами, определявшие формирование общественных настроений в государстве в целом, взаимодействуя друг с другом на локальном уровне индустриальных городов европейского Севера России, предопределяли здесь общественные настроения в целом однородные, тождественные общественным настроениям в стране. В одних случаях тождество и однородность усиливались, в других — выглядели менее выразительно, в общественных настроениях населения индустриальных городов присутствовала специфика, что определялось конкретными условиями развития каждого индустриального города, отраслевой принадлежностью и значимостью его градообразующего предприятия, географическим положением, социокультурными характеристиками горожан, социальной реальностью города.

Существенным фактором локального характера, отражавшимся на общественных настроениях горожан, являлось то, что градообразующие предприятия индустриальных городов региона являлись, как правило, крупнейшими предприятиями соответствующих отраслей экономики страны, нередко — «локомотивами» отраслей: Череповецкий металлургический комбинат — черной металлургии, Мончегорский «Североникель» — цветной металлургии, Котласский ЦБК — целлюлозно-бумажной промышленности. Продукция этих предприятий была рассчитана не только на внутренний рынок, но и на международное разделение труда. Это обстоятельство предполагало довольно тесное взаимодействие с иностранными партнерами не только из социалистических, но и капиталистических стран. Партнерство охватывало различные сферы взаимодействия: торговля, обмен опытом, научно-техническое сотрудничество, строительство или монтаж отдельных производственных блоков, установок, а также реализация международных проектов на территории индустриальных городов по возведению самостоятельных предприятий, градостроительству. Деловое партнерство открывало возможности для знакомства, общения, сотрудничества горожан с иностранцами, установления с ними неформальных отношений.

Знакомству с реалиями жизни за пределами СССР способствовали также поездки за границу по туристическим путевкам. Возможность таких поездок у населения индустриальных городов региона была больше, чем у жителей городов других типологических групп, поскольку, как правило, на градообразующих предприятиях, в строительных организациях, а иногда и у всех трудящихся индустриального города был повышенный коэффициент к заработной плате. Кроме того, ресурсоемкие градообразующие предприятия региона относились к «богатым» отраслям, профсоюзы которых имели возможность оказывать серьезную материальную помощь трудящимся, в том числе при выезде за границу по туристической путевке. Нередко выезжающий оплачивал только 30% стоимости турпутевки, а иногда — всего 10%.

В итоге, несмотря на то, что европейский Север России являлся одной из отдаленных провинций советского государства, на территории его индустриальных городов имелись благоприятные возможности (по сравнению, например, с городскими поселениями других типологических групп, имевшихся в регионе, или аналогичными типами городов в других регионах) для знакомства с иностранцами, с их образом жизни, с ценностями, идеалами, что оказывало влияние на формирование специфических общественных настроений населения индустриальных городов европейского Севера России.

Некоторые индустриальные города европейского Севера России, используя имевшиеся производственно-технические связи с предприятиями других стран, с помощью Ассоциации по связям советских и зарубежных городов стали устанавливать контакты с зарубежными городами и Всемирной Федерацией породненных городов (ВФПГ). Дружеские, побратимские отношения с финским городом Валкеакоска, одним из первых в Вологодской области, установил г. Сокол [15, л. 27]. Наиболее активно такая работа велась в Череповце, с учетом возможности, которые давало, с точки зрения международного сотрудничества, крупнейшее на европейском Севере страны градообразующее металлургическое предприятие.

Несмотря на крепнущие дружеские узы населения городов-побратимов, деловые контакты, идеологическое противостояние не исчезало, оно приобретало несколько завуалированный характер. На заседании Череповецкого исполкома горсовета в июне 1976 г. отмечалось: «…дружественные связи не всегда эффективно используются для пропаганды достижений советского образа

жизни, были случаи, когда представители нашего города во время зарубежных поездок мало встречались с населением городов. Не было организовано обмена литературой…» [15, л. 26].

Старший уполномоченный Сегежского районного отделения комитета госбезопасности в декабре 1977 г. на сессии депутатов горсовета сообщал: «Зарубежные антикоммунистические центры и антисоветские организации изготавливают и засылают в нашу страну антисоветскую литературу … В подрывных акциях широко используется литература порнографического и сексуального характера. … Засылка так называемых «пропагандистких сувениров» в СССР возрастает год от года. … В распространении пропагандисткой литературы широко используются различные категории иностранцев, находящихся в нашей стране. Это: студенты, стажеры, коммерсанты, члены различных делегаций, дипломаты … туристы» [7, л. 217–218].

Расширение непосредственных контактов советских людей с иностранцами заставляло власти в условиях идеологического противостояния строже подходить к работе по отбору и подготовке лиц, выезжающих за границу и к приему иностранных граждан. Как докладывал Вологодский областной комитет в ЦК КПСС в декабре 1977 г.: «Все они (выезжающие за границу. — *Р. К.*) проходят специальный инструктаж, подробно информируются о политической обстановке в стране, куда намечен выезд. На 30 крупных предприятиях при трех городских комитетах КПСС созданы общественные комиссии по выездам за границу. Все недостатки в подборе граждан для заграничных поездок находят принципиальную оценку в парткомитетах. Осуществляется строгий контроль за соблюдением порядка приема иностранных граждан на предприятиях, в учреждениях и организациях. Для работы с ними выделяются политически подготовленные и проверенные кадры. На каждый приезд иностранных делегаций разрабатывается подробный план их приема, который согласовывается с партийными органами» [8, л. 40–41].

Облсовпрофы при комплектовании туристических групп стремились включать в их состав квалифицированных лекторов, пропагандистов, преподавателей вузов, «способных выступить за рубежом с лекциями, беседами о достижениях советского народа в коммунистическом строительстве» [8, л. 11].

На первом месте при принятии решения о возможности выезда советского специалиста в загранкомандировку, а также возможности его участия в переговорах с иностранцами на территории СССР стояла оценка политической благонадежности специалиста (действительная или мнимая. — *Р. К.)* и только на втором — его профессиональный уровень, квалификация. Такая практика, с одной стороны, сдерживала возможности появления антисоветских настроений, должна была обеспечивать пропаганду «преимуществ советского образа жизни», с другой стороны, не лучшим образом сказывалась на результатах деловых командировок советских специалистов. Министр целлюлозно-бумажной промышленности в декабре 1977 г. докладывал в ЦК КПСС, что в министерстве «… разработана внутриведомственная инструкция о порядке приема иностранцев … проведены организационные мероприятия, позволившие повысить уровень подготовки к встречам с иностранцами как в министерстве, так и на предприятиях и в организациях. Слабым местом этой работы продолжает оставаться недостаточная подготовка наших специалистов к переговорам с представителями инофирм, что снижает их (переговоров. — *Р. К*) эффективность.

…Как свидетельствует практика последнего времени, по-прежнему недостаточна эффективность некоторых поездок наших специалистов за границу, что отрицательно сказывается на реализации в отечественной промышленности передового зарубежного опыта» [9, л. 154–155].

На интернациональных стройках, а также на локальных проектах градообразующих предприятий с участием иностранцев, власти стремились ограничить общение советских рабочих и специалистов, особенно с партнерами из капиталистических стран, официальными рамками.

Однако неизбежное неформальное общение советских граждан с иностранцами во время турпоездок, встреч делегаций породненных городов, а тем более на международных проектах, в труде и в быту давало возможность познакомиться с иным образом жизни, соприкоснуться с иной культурой, с иными ценностями, что разрушало стереотипы, формировавшиеся советской пропагандой, такие, как, например, наиболее расхожий пропагандисткий штамп о капиталистической эксплуатации человека труда. Прежде всего, на международных проектах появлялась возможность некоторого критического взгляда, например, на строительную практику в СССР, на цели развития советского общества и пути их достижения. Случалось, что неформальное общение советских граждан с иностранцами перерастало в личную дружбу, а взаимная привязанность юношей и девушек — в интернациональные семьи. Например, на строительстве Котласского ЦБК в мае 1973 г. в составе болгарских строителей трудилось 510 семей, из них 136 семей — смешанные, брак в этих семьях был зарегистрирован в СССР [2, л. 51]. В 1983–1984 гг. восемь браков с иностранцами были зарегистрированы в Костомукше [4, с. 136].

Строительство Костомукшского горно-обогатительного комбината и города являлось совместным советско-финским проектом. Город-новостройка, где соприкасались противоборствовавшие общественные системы, тем более в период очередного витка холодной войны и в приграничной зоне, был объявлен «витриной социализма», «передним краем идеологической борьбы». Соревнование двух систем переместилось здесь в практическую плоскость повседневности. Запущенная на полную мощность советская пропагандистская машина должна была всеми доступными средствами доказывать преимущества социализма, советского образа жизни.

Об атмосфере повышенной бдительности населения в районе Костомукшской новостройки свидетельствует выступление депутата поселкового Совета Костомукши Т. Р. Бикбаева на сессии депутатов в июне 1978 г.: «Территория нашего поселкового Совета является пограничным районом. Население поселка ежедневно встречается с финскими гражданами …, вступает в контакты с финнами в период совместных работ. Факты говорят о том, что среди финских рабочих имеют место случаи, когда на нашу территорию они завозят фотографии, газеты и журналы с антисоветскими высказываниями …, произведениями … отщепенцев с клеветой на Советский Союз. Отдельные финские граждане ведут среди советских граждан антисоветскую пропаганду, вплоть до склонения к измене Родине. Таких рьяных поборников капитализма мы лишаем права въезда на нашу территорию, отбираем пропуска, а через погранкомиссариатский аппарат требуем недопущения впредь подобных фактов» [6, л. 97].

В 1984 г. для усиления эффективности идеологической работы при Костомукшском горкоме КПСС был создан совет по контрпропаганде, ставивший своей задачей, в частности, борьбу с разного рода слухами и обывательскими настроениями, формирование у населения патриотических и гражданских чувств, выработку «прочного иммунитета» к враждебной пропаганде [4, с. 126]. Однако социальная реальность в районе Костомукши делала напрасными усилия идеологических работников: контрасты в условиях труда и быта советских и финских трудящихся сводили усилия идеологических работников по контрпропаганде к нулю. Председатель ЦК профсоюзов рабочих строительства и промстройматериалов И. А. Ланшин в ноябре 1978 г. констатировал: «В

ходе ознакомления со строительством объектов Костомукшского ГОКа отмечена резкая разница в уровне бытового обслуживания советских и иностранных специалистов. Все финские рабочие и служащие в количестве 3,5 тыс. человек обеспечены жильем, современным комплексом санитарно-бытового, коммунального и медицинского обслуживания. В их распоряжении имеется спортивный зал на 800 мест, библиотека, помещение для кружковой работы, хорошо налажено питание и торговля. Для наших, работающих на комбинате в количестве более 2 тыс. человек, имеются небольшие продовольственный и промтоварный магазины, медпункт (без врача), столовая на 60 мест, баня на 25 мест, средняя школа. В поселке нет клуба, поликлиники, детского сада, пекарни, парикмахерской, гостиницы. Для получения необходимых элементарных услуг и медицинской помощи надо ехать за 250 км. Регулярное автобусное сообщение с районным центром пос. Калевала и ст. Ледлозеро отсутствует…» [5, с. 156]. Несмотря на то, что Костомукша являла собой «витрину социализма», однако, как и в других населенных пунктах страны, на «витрине» наблюдался острый дефицит: товаров повседневного спроса, многих наименований продуктов, что порождало недовольство, а также ажиотажный спрос горожан. На сессии депутатов поселкового совета Костомукши в октябре 1980 г. одна из депутатов сетовала: «Я работаю в отделе «Трикотаж», часто слышу мнение покупателей: «Товара много, а выбрать нечего». Это действительно так. У нас почти не бывает хлопчатобумажных маек, хлопчатобумажных носков, спортивных костюмов, даже капроновых чулок, но их нет и на базе в Петрозаводске» [6, л. 131].

В феврале 1982 г. на пленуме Карельского обкома КПСС директор Костомукшского ГОКа отмечал: «Часть наших трудящихся … при встречах с финнами идет на обмен спиртного на джинсы и другие изделия иностранного производства. В то же время наша торговля не может удовлетворить спроса на аналогичные вещи отечественного производства [5, с. 186–187].

Советские пропагандистские заявления резко расходились с социальной действительностью. Населению сложно было объяснить, почему уровень жизни, особенно в капиталистических странах, значительно выше, чем в СССР, почему финские рабочие и специалисты в Костомукше живут в лучших условиях, строят намного качественнее и быстрее, чем советские партнеры. Антисоветские настроения фиксировались в материалах сессий депутатов трудящихся. В докладе председателя исполкома Череповецкого горсовета отмечалось: «За последние годы очень многие трудящиеся города побывали за границей, и число их возрастает с каждым годом. Качественный отбор отъезжающих за границу значительно улучшился за последнее время. Многие приезжающие из-за границы восхищаются всем увиденным …» [14, л. 591, 594].

Индустриальные города европейского Севера России в изучаемый период — это города с преимущественно молодежным составом населения, рождение которого относилось к 1950-м — началу 1960-х гг. Детство этого поколения имелось в виду, когда в стране стал выдвигаться лозунг «Все лучшее — детям!». Люди этого поколения в изучаемое время начинали вступать в трудоспособный возраст. Мировоззрение этого поколения стало формироваться во время «хрущевской оттепели», «брежневской стабильности». На этом поколении в стране был осуществлен переход «ко всеобщему среднему образованию». Вместе с взрослением людей этого поколения страна решала задачи по повышению материального благосостояния советских людей. Несмотря на усиливающуюся пропаганду советских СМИ, других институтов социализации, информационное пространство в стране становилось не столь уж «идеологически жестким». Запад «через печать, радио, кинофильмы, телевидение и непосредствен-

ные контакты пропагандировал свой образ жизни, качество изделий и т. п.» [14, л. 592]. Многое из этого выгодно контрастировало с советской действительностью. Эти и некоторые другие обстоятельства налагали определенный отпечаток на социально-психологические свойства молодого поколения советских людей, которое, в отличие от поколений предвоенных лет, времен Великой Отечественной войны, первых послевоенных лет, уже не столь искренне верило в социальный порядок в стране, в превосходство социалистического строя над буржуазным, в какой-то мере исчезал страх перед властью, исчезало ощущение военной опасности — и это снижало установки пропаганды на преодоление трудностей, на работу в неблагоприятных условиях, на личную ответственность каждого в решении задач трудового коллектива.

Индикатором общественных настроений можно рассматривать отношение людей к труду. Многие молодые люди, устраиваясь на работу, искали «где лучше», «теплые» места, а, если не получалось, надежды не оправдывались, бросали эту работу без сожаления, продолжая поиски в другом месте. Именно поэтому молодежь преобладала в «текучести кадров», среди «летунов», в обратной миграции с территории индустриальных городов. Сессии депутатов горсоветов, особенно с начала 1980-х гг., нередко фиксировали такие настроения: «Появились иждивенчество, небрежность в работе, снижается ответственность за выполнение поставленных задач» [1, л. 21]. А некоторые молодые люди уже в те годы желали «всего и сразу». Председатель Череповецкого исполкома депутатов отмечал в докладе на сессии депутатов: «Отдельные девушки «липнут» к иностранцам, остаются у них в номерах, ищут встреч в ресторане, «ловят» их около гостиниц, в Торово (база отдыха ЧМК. — *Р. К.*), устраивают попойки в частных квартирах. Надоедают телефонными звонками. Дело дошло однажды до того, что руководитель одной из групп специалистов из ГДР попросил перевести их из гостиницы «Ленинград» в другое место, с тем, чтобы избавиться от назойливых звонков этих девиц» [14, л. 593–594]. Директор средней школы № 18 г. Мончегорска, выступая на сессии депутатов в октябре 1977 г., с тревогой говорила: «Социологические исследования, проведенные в школах города … показали, что у значительной группы ребят преобладают меркантильные интересы… Потребительские взгляды появились … и на будущую профессию, на определение своего места в жизни. Общественные интересы уходят от многих школьников. Ребят мало интересуют общественные дела, … взаимоотношения с товарищами» [3, л. 2–4]. Достаточно репрезентативные исследования, проведенные социологами в середине 80-х гг. среди молодежи Котласского ЦБК, где молодежь составляла примерно одну треть из десяти тысяч работников комбината, а 71% опрошенных были рабочими, 55% — комсомольцы, показали, что для достижения жизненного успеха 38,1% опрошенных считали, прежде всего, необходимыми деньги, 23,4% — связи с нужными людьми. Социологи заметили, что некоторые ответы респондентов указывали «на деформацию жизненных ориентиров молодежи, хотя и мотивируются негативными явлениями в окружающей действительности» [13].

Итак, несмотря на то, что идеологические ценности и установки, предлагавшиеся советской пропагандистской машиной, казалось бы, прочно закреплены в менталитете советских людей, несмотря на усиление мер по дальнейшему повышению политической бдительности советского человека, складывавшийся баланс комплекса факторов в изучаемый период, определявших общественные настроения, обусловливал нарастание разочарования, неудовлетворенности — особенно в молодежной части населения индустриальных городов, — предлагаемыми советской пропагандой ценностями и идеалами, что позволяет говорить об определенном ментальном сдвиге, происхо-

дившем в изучаемый период у этой части советского общества. Данное обстоятельство способствовало лучшей восприимчивости населения индустриальных городов к новациям последних десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Новодвинска. Ф. 2. Оп. 1. Д. 250.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 821.
3. Государственный архив Мурманской области в г. Кировске. (ГАМО в г. Кировске). Ф. 301. Оп. 6. Д. 658.
4. *Илюха О. П., Антощенко А. В., Данков М. Ю.* История Костомукши. Петрозаводск: «МЕГА-ПРЕСС», 1997. 224 с.
5. История Костомукши. Документы и материалы / Под ред. О. П. Илюхи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. 320 с.
6. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1-1.
7. Национальный архив республики Карелия (НАРК). Ф. 613. Оп. 52. Д. 3.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 75. Д. 222.
9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 223.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 88. Д. 1086.
11. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 875.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 876.
13. Трудовая Коряжма. 1988. 2 июля.
14. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. (6)1. Д. (60)132.
15. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 705.

REFERENCES

1. Arhivnyj otdel administratsii g. Novodvinska. F. 2. Op. 1. D. 250.
2. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (GAAO). F. 102. Op. 1. D. 821.
3. Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoj oblasti v g. Kirovske. (GAMO v g. Kirovske). F. 301. Op. 6. D. 658.
4. *Iljuha O. P., Antoshchenko A. V., Dankov M. Ju*. Istorija Kostomukshi. Petrozavodsk: «MEGA-PRESS», 1997. 224 s.
5. Istorija Kostomukshi. Dokumenty i materialy / Pod red. O. P. Iljuhi. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 320 s.
6. Kostomukshskij munitsipal'nyj arhiv. F. 3. Op. 1. D. 1-1.
7. Natsional'nyj arhiv respubliki Karelija (NARK). F. 613. Op. 52. D. 3.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 5. Op. 75. D. 222.
9. RGANI. F. 5. Op. 75. D. 223.
10. RGANI. F. 5. Op. 88. D. 1086.
11. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 875.
12. RGANI. F. 5. Op. 89. D. 876.
13. Trudovaja Korjazhma. 1988. 2 ijulja.
14. Cherepovetskij tsentr hranenija dokumentatsii (ChTsHD). F. 7. Op. (6)1. D. (60)132.
15. ChTsHD. F. 7. Op. 11. D. 705.

И. Л. Кислицына

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА М. А. БАКУНИНА

В статье содержится новая концепция анархизма М. А. Бакунина. Главной идеей мировоззрения Бакунина и его анархической теории определено уважение человеческой личности как абсолютный («высший», «всеопределяющий») социальный принцип. Политическая теория анархизма Бакунина представлена как развитие, следствие, разверну-